

UDC 316.32

DOI: 10.30936/2227_7951_2021_13_152_170

Ф. ГУАЛА

ОТВЕТ НА КРИТИКУ*

***Аннотация:** Стратегия в ПИ заключается в том, чтобы сосредоточить внимание на том, каким образом роль норм может быть включена в правила «рамки равновесия». Социальная онтология должна работать в тесном партнерстве со всеми социальными науками, чтобы понять функционирование институтов в их совокупной целостности и тотальности. Преимущество «равновесного подхода» заключается в его способности эксплицировать ту роль, которую играют определенные материальные объекты (как «корреляционные девайсы») в функционировании институтов. Понятие «коррелированного равновесия» помогает нам увидеть, как сами институциональные правила должны также способствовать движению к равновесию. Кроме того, оно иллюстрирует, как в ходе этого процесса могут возникать новые институциональные объекты.*

***Abstract:** Strategy in “Understanding Institutions” is to concentrate the attention on role of norms and how those norms can be including in rules of “limits of equilibrium”. Social ontology must work in close collaboration with all social sciences for understanding institutions and their functioning in universal totality. The advantage of “equilibrium approach” is in its capacity to explicate the role which material objects (as “correlative devices”) play in functioning of institutions. The term of “correlative equilibrium” can look how institutional rules themselves must contribute movement towards the equilibrium. Moreover it illustrates how new institutional objects appear in such process.*

***Ключевые слова:** институты, натурализм, реализм, социальное познание, социальные типы, Ф. Гуала.*

***Keywords:** institutions, naturalism, realism, social cognition, social kinds, F. Guala.*

Гуала Франческо — доктор философии, профессор кафедры философии Миланского университета (Милан). E-mail: francesco.guala@unimit.it.

* Перевод выполнен со статьи: Guala F. *Repliers to Critics* // Philosophy of Social Sciences. 2018. Vol. 48. №.6. P. 630-645. Публикуется с согласия правообладателя.

«Понимание институтов» (далее – ПИ) можно рассматривать как побочный продукт моей так и ненаписанной монографии о «сотрудничестве и координации». Но когда я понял, что этот труд обречен, ко мне вдруг пришло осознание, что можно реализовать гораздо более крупный проект, который может быть построен на теории «двойственных» конститутивных правил Ф. Хиндрикса (которую мы позже назвали «подходом (к институтам), основанном на равновесии») и который сам по себе может иметь множество философских интерпретаций. Но я не жалею, что опубликовал ПИ в его нынешнем виде: состоялась книга, заставляющая задуматься, и надеюсь, что тем самым она будет стимулировать дальнейшую работу над онтологией институтов. Естественно, я был также готов признать некоторые ее недостатки, и мои комментаторы здесь выявили другие, о которых я не подозревал. Потому, когда я могу им возразить и сказать что-то полезное, тогда я просто уточняю, что я имел в виду в ПИ. Если я никак не реагирую на критику, это, вероятно, означает, что я с ней согласен или в настоящее время не вижу удовлетворительного ответа. Во всех случаях я хотел бы поблагодарить всех комментаторов за то внимание, которое они уделили ПИ, и за то, что они инициировали разговор, который, как мы надеемся, приведет к прогрессу в области социальной онтологии.

Я начинаю рассматривать некоторые общие вопросы философской стратегии, которые были подняты Э. Аудионат и П. Юликоски, которые прекрасно представляют основные темы данного симпозиума, посвященного моей книге. Затем я следую такому порядку: начинаю с общих принципов «подхода, основанного на равновесии» (иллюстрированных в части 1, главы 1-6), после перехожу к социальному познанию (соответствующему интерлюдии и главам 7-8) и, наконец, обсуждаю проблемы реализма, зависимости и антифаллибизма относительно социальных объектов (Часть 2, главы 9-14).

Цели и методы социальной онтологии. Э. Аудионат и П. Юликоски предлагают свой проницательный взгляд «с высоты птичьего полета» на социальную онтологию в ее связи с социальными науками. Я выражаю свое полное согласие с их утверждением, что проект ПИ находится где-то посередине между проектами Дж. Сёрля [26, 27] и А. Грейфа [9]. Я также согласен с тем, что некоторые из проблем ПИ проистекли из моих амбиций создать общую, но и в то же время достаточно «глубоко объяснительную» теорию институтов. Возможно ли это, пока неясно, но есть известное английское выражение – «для того, чтобы узнать, что такое пудинг, надо съесть его». Некоторые авторы (например, Дж. Ходжсон [16]) утверждали, что подобный *объяснительный проект* должен быть отделен от иной

концептуальной задачи — определения, что есть институт в своей сущности. Но дело вовсе не в том, чтобы отделить философию от социальных наук, а в том, чтобы изначально признать, что *обычные таксономические определения и научные объяснения* — это разные научные задачи, которые вообще лучше никогда смешивать.

Но ПИ строится на противоположной предпосылке, что *эти задачи друг от друга неотделимы*, и также на «натуралистическом» предположении, что наилучшие представления о социальной реальности можно найти непосредственно в тех теоретических постулатах, что уже есть налицо в социальных науках. Э. Аудинонат и П. Юликоски являются союзниками в этом отношении. Они просто менее оптимистичны, чем я, в отношении перспективы *теоретизировать* об институтах в принципе. Начинают же они с осторожного замечания, что «если отношение типа *маркера* не выполняется, то гораздо меньше оснований ожидать, что абстрактные теоретико-игровые модели могут охватить функциональную сущность любого конкретного института». В конечном же итоге они предполагают, что институты «денег» или «брака» в моей концепции следует расценивать скорее как «теоретически мотивированные условия», а не как результат *фундированных эмпирических исследований*.

Э. Аудинонат и П. Юликоски предлагают мне *перефокусировать* мое исследование и перенести внимание с анализа *функций* социальных институтов на *социальные механизмы*, исследование которых, по их мнению, составляет «универсальное ядро социальной науки». Но я не могу принять такого совета: ведь в итоге, это будет означать, что изучение институтов может дать в лучшем случае только *некие первичные обобщения*, которые будут верны лишь в *локальных исторических контекстах*, применимых к определенным эволюционным путям развития институтов. Это подтвердило бы «исторически ограниченную» картину институционального развития (заявленную, в первую очередь, А. Грейфом [9]) и *ограниченную полезность функционального анализа*, предполагаемого институциональным подходом в целом, для исследовательских целей (эту проблему обсуждал, к примеру, Р. Милликан [20]).

Как и мои коллеги, — те, что являются сторонниками натуралистического подхода, — я полагаю, что хорошие идеи подтверждаются *апостериори*: повторим еще раз, *для того, чтобы понять, что есть пудинг, надо съесть его*. Я могу только сказать, что к альтернативному подходу, предлагаемому Аудинонат и Юликоски, нужно отнестись серьезно. Он требует детального изучения роли «функциональных концептов» в различных областях социальной науки (например, в антропологии и экономике), с тем, чтобы определить, в какой степени они могут идентифицировать

реально существующие социальные объекты (те объекты, существование которых можно определить посредством индуктивной методологии Милля-Уэлла-Бойда). Это достойный проект: я также готов здесь внести свою лепту посредством ПИ, и надеюсь, что он вызовет интерес других философов, интересующихся функционализмом и социальными науками в целом.

Правила, Нэш и коррелированные равновесия. Первоначальные основы моей *унифицированной теории* изложены в первой части ПИ. В. Рабинович [24] задает мне несколько глубоких и сложных вопросов, касающихся теоретико-игровых понятий, которые я использовал, в частности концепции *коррелированного равновесия*. Но прежде всего его беспокоит мое общее представление об институтах как системах правил, находящихся в равновесии. Он указывает на то, что мою позицию можно понять одновременно и *как очень сильную, и как очень слабую*. В частности, она может быть *слишком сильной*, если исключает системы правил, те правила, которые, по-видимому, не обязательно находятся в равновесии, — например, нормы морали, или (это противоположный случай) моя позиция может быть *слишком слабой*, если моя теория ошибочно принимает часть за целое: к примеру, потому, что имеются другие аспекты существования институтов, такие как, к примеру, их *вещественный (материальный) базис*, который не вполне соответствует «правилам равновесия».

Является ли мораль институтом и соответствует ли она правилам *равновесного описания*? Признаюсь, что я старался как можно больше избегать темы морали, когда работал над ПИ, поскольку боялся разочаровать слишком большое число читателей. Мораль является спорной темой даже для философского дискурса, и одобрение определенного взгляда на то, что это такое, и как это работает, как это связано с другими институциональными образованиями, сразу же вызвало бы непростые вопросы, которые могли бы отвлечь читателя от других тем моей книги. Однако многие философы будут готовы повторить для меня вопрос Рабиновича в различных его вариантах, — так как же насчет морали или других *неинструментальных* (non-instrumental) форм действия? Моя позиция в отношении норм и нормативности в целом дает здесь некоторые подсказки.

В главе 6 ПИ я отмечаю, что институциональные правила часто нормативизируются (normativized), и на то есть веские причины. Нормы стабилизируют поведение, которое в противном случае было бы неустойчивым, облегчая координацию в ситуациях, когда прогноз поведения других людей имеет решающее значение (см. например [19, 29]). Возьмем такой случай: если бы я стал регулярно опаздывать на свои лекции, то мои студенты были бы справедливо раздражены и, возможно, также начали бы опаздывать на них. Соблюдение норм трудовой этики способно,

в принципе, легко решить эти вопросы. Но еще важнее то, что нормы способствуют улучшению партнерства и сотрудничества, т.е. они помогают нам адекватно вести себя в тех ситуациях, когда возможно проявление антисоциального поведения. Они меняют наши мотивы, требуя от нас адекватности в отношении других, и это можно интерпретировать как *стимулы*. Все остальное – вопрос более сложный и здесь уже нужно обращаться за помощью к теории морали и к психологической науке.

Превращение простого *совета* («делай X») в *норму* («ты должен делать X») также может сигнализировать об изменении ожиданий других, – тех, которые могут быть настроены позитивно в отношении нас (например, [3, 5]). Это может также означать и то, что существуют определенные причины (вполне благоразумного содержания) следовать определенным правилам действий [15]). Не думаю, что эти подходы обязательно исключают друг друга: нормативность (и мораль) настолько важны для нас, что они, скорее всего, примут различные формы, и, скорее всего, должны поддерживаться различными механизмами. Моя стратегия в ПИ заключается в том, чтобы сосредоточить внимание на том, *каким образом роль норм может быть включена в правила «рамки равновесия»*. Ключевой пункт здесь, – который ни в коем случае не является оригинальным, – заключается в том, чтобы *рассматривать нормы как изменения в структуре стимулов*. Это требует сдвига между игровыми репрезентациями: набор действий вне «равновесной ситуации» превращается в «равновесную игру» с материальными стимулами и далее анализируется таким образом, что нормативные принципы изначально оказываются включены в структуру этой «игры» (см. прим. 1).

Рабинович указывает, что если *принятие* моральных норм может быть «равновесием», то *следование* этим нормам не обязательно должно быть таковым. Различие между различными типами «игры» отчасти позволяет решить проблему: набор правил может стать равновесием после того, как произойдет данный сдвиг от *принятия* к *следованию*. Но мое предположение также заключается и в том, что мы не должны требовать слишком многого от морали: нормы часто поддерживаются материальными стимулами (премиями и наказаниями). Наказания не должны быть слишком дорогостоящими для тех, кто их реализует, или должны быть для них возмещаемы в среднесрочной перспективе. Я уже обсуждал некоторые из этих вопросов в другом месте, в связи с недавним всплеском эмпирических исследований взаимности и альтруистического наказания [10]. Чтобы ответить на вопрос Рабиновича, я замечу, что мораль – это не только отдельный институт: она является важным элементом многих других (и, наверно, большинства) институтов. Ни одна система правил, вероятно,

не будет работать гладко без элемента нормативности. Вот почему у нас есть разные системы «деловой этики», «религиозной этики», «гражданского долга», «сексуальной этики» (и т.п.) — которые, к тому же, не всегда однозначны. Люди — это *навязчивые морализаторы*, и одна из задач теории институтов как раз и заключается в том, чтобы помочь понять, почему.

Рабинович также обеспокоен тем, что мой «подход (к институтам), основанный на равновесии» может быть недостаточно обоснован в некоторых пунктах. Но, кажется, он не в состоянии уловить тот факт, что институты — это не просто правила: в реальных институтах есть также *материальный, вещественный элемент*: например, в Миланском университете это его строения, здания, помещения; в профессорах университета — их телесная оболочка, и т.д. Это замечание также согласуется с популярной тенденцией в современной социальной онтологии, которая заставила некоторых философов сосредоточиться на *нечеловеческой, материальной основе* социальной реальности (см. прим. 2). Но виновен ли я в том, что совершил ошибку «часть вместо целого» (*par spro toto*) или нет?

Прежде всего, позвольте заметить, что я в принципе не возражаю против расширения определения института, — которое включает в себя и его вещественный (материальный) базис. Преимущество моего «равновесного подхода» как раз и заключается в его способности эксплицировать ту роль, которую играют определенные *материальные объекты* (как «корреляционные девайсы») в функционировании институтов. Но даже в таких случаях, предполагаю, есть резон утверждать, что в институтах их материальные (физические) свойства таких устройств вторичны, а правила первичны. Например, зеленый или красный цвет *сам по себе, в отдельности* не имеет большого значения для функционирования светофоров. Также: находится ли здание философского факультета Миланского университета в центре города или на окраине Милана, абсолютно не имеет никакого значения с точки зрения того, как там преподается философия.

Этот подход понятен тем, кто придерживается функционалистской методологии или стратегии исследования, или, к примеру, философии «нередукционистского материализма» (*non-reductive materialism*) в исследовании разума и философии сознания. И еще, к тому же, он знаменует собой важный пункт расхождения исследовательских стратегий в современной социальной онтологии. Но, в отличие от тех, кто делает акцент на вещественном базисе социальных объектов, я не требую, что сама по себе *экспликация онтологии институциональных объектов является для нее главным делом*. Социальная онтология должна работать в тесном партнерстве со всеми социальными науками, чтобы понять функционирование институтов в их совокупной целостности и тотальности. И то, как функцио-

нируют институты в целом, гораздо больше зависит от *нематериальных* человеческих интересов, конфликтов и правил, чем от вещественной составляющей этих институтов. Можно сказать и по-другому: большинство причинных объяснений того, как функционирует Миланский университет, — или того, как функционируют университеты вообще, не имеют никакого отношения к вещественной компоненте этих институтов. Если вдруг этот компонент и имеет значение (например, в понимании «недвижимости»), то это скорее в силу своей юридической составляющей или денежной стоимости, но никак не в силу своих физических свойств. Смеем предположить, это справедливо и для интерпретации других институтов: например, любая теория денег, так или иначе, абстрагируется от их материальной составляющей (банкнот, монет и т.п.). Является ли предложенная нами иерархия (сначала правила и нормы, а потом их вещественный базис) универсальной — это уже перспективная гипотеза, которая требует более подробных верификаций. Я хотел бы предложить ее здесь в качестве стимула для будущих исследований (см. прим. 3).

Корреляция, «чтение мыслей» и стимулирование. Хотя ПИ не является сложной книгой в смысле ее прочтения, центральная теоретико-игровая концепция, на которой построена наша равновесная концепция институтов, нацеливается и на некоторые присущие только ей проблемы. Рабинович замечает, что диапазон возможных «коррелированных равновесий» на самом деле больше, чем мною предполагается, потому что в своих частных примерах я якобы упускаю из виду некоторые типы вероятностей, использование которых как бы «может дать совет» участвующим в равновесной игре игрокам-актерам. Это *расширение пространства возможного равновесия* — плохая новость поверх уже имеющихся плохих новостей, поскольку она делает проблему выбора равновесия еще более трудной, чем она уже имелась. Как я уже отмечал в своей ПИ, «коррелированное равновесие» не всегда может объяснить успешную координацию. Но тогда же «какой смысл вообще в этом движении к коррелированному равновесию»?

Суть в том, чтобы попытаться объяснить, как новые институты могут создавать потенциальные возможности, которых ранее не существовало (новые формы коллективного поведения, новые договоренности, новое распределение задач и ресурсов). Многие проблемы, с которыми мы сталкиваемся (например, те, которые можно смоделировать с помощью игры «ястреб-голубь»), лишь на первый взгляд предлагают «плохие» варианты решений. Но при небольшой изобретательности и помощи вышеупомянутых «корреляционных девайсов» их можно превратить в своего рода игру, — со, скажем так, с более *привлекательной формулой равновесия*.

Понятие «коррелированное равновесие», прежде всего, помогает нам увидеть, как делается подобный ход, при условии того, что сами правила должны также способствовать движению к данному равновесию. Кроме того, оно иллюстрирует, как в ходе этого процесса могут возникать новые институциональные объекты. Наконец, оно помогает нам понять на определенном новом уровне, что отличает человеческие общества от сообществ животных. Последние в значительной степени запрограммированы заранее; им также не хватает символического представления и коммуникации; большинство нечеловеческих животных не имеют возможности изобретать и воспроизводить новые условные стратегии, как это обычно делаем мы, люди. По всем этим причинам, думаю, «коррелированные равновесия» являются полезными теоретическими инструментами, независимо от того, имеется ли у нас хорошая теория того, как происходит сам равновесный отбор, или нет.

Рабинович также предполагает, что *коррелированные равновесия* могут иметь два «когнитивных» преимущества по отношению к простым «равновесиям Нэша»: во-первых, поскольку они опираются на внешние координационные устройства, которые не контролируются отдельными игроками, они *могут оказаться более предписывающими, чем обычные (безусловные) правила*. И второе: поскольку единое корреляционное устройство направляет действия всех игроков, оно может создавать видимость взаимозависимости, основанной на существовании общей причины и общих правил. Признаюсь, я никогда раньше не задумывался об этих особенностях, но они мне кажутся довольно привлекательными. Мы независимо друг от друга знаем, что люди являются не только естественными моралистами, но и стихийными натуралистами и эссенциалистами (*essentialists*). «Разгрузка» ответственности социального института с помощью его внешнего материального носителя может иметь преимущества, которые, на мой взгляд, следует изучить более фундаментально.

Когнитивные основы институтов кратко обсуждаются в разделе «Интерлюдия» ПИ. Эти Главы ПИ (7 и 8) были написаны в ответ на вопрос, который мне часто задавали на конференциях и семинарах: как вы рассматриваете в приложении к своей концепции коллективную интенциональность (*collective intentionality*)? Есть ли место для интенциональности в моей «равновесной теории институтов»? «Интерлюдия» предполагает две идеи: (1) коллективная интенциональность является безусловно «интригующей» гипотезой, — которая, однако, оказалась довольно сложнопроверяемой в конкретном эмпирическом исследовании; и (2) хотя сама коллективная интенциональность может быть интересным явлением с точки зрения философии, все же ей отводится, на мой взгляд, явно *пре-*

увеличенное место в онтологической литературе и в целом в исследованиях по социальной онтологии. Мой подход как раз и заключается в том, чтобы показать, как *иные механизмы* могут играть основополагающую роль в институциональном поведении, но! — не исключая априори и коллективную интенциональность.

Э. Пачери внесла свой вклад в анализ роли так называемых «реалистичных когнитивных принципов» для совместных действий индивидов (например, [21, 22]), — поэтому я особенно рад, что она выразила свое согласие со многими идеями, изложенными в этих двух главах. В своем комментарии она призывает меня занять более радикальную позицию в отношении моделирования (по ее собственному выражению, «мышления решений» (solution thinking)): они, по ее мнению, «немногим больше, чем просто нотации» [23] (см. прим. 4). Часть объяснения здесь заключается в том, что групповые дискурсы игроков-актеров обладают большей гибкостью, чем было показано мною: благодаря реконфигурации коллективных выгод все виды факторов, включая социальные нормы и условности, могут быть «записаны» в матрицу решений группы. Думаю, что она права: моя теория нормативности (Глава 6 ПИ) допускает подобную гибкость в отношении выгод отдельных игроков-актеров. После того, как этот шаг был сделан, кажется непоследовательным строгое включение норм в подобные выгоды. В результате получается, что если каждую координационную игру можно превратить в игру с разными уровнями (Hi-lo), то «мышление решений» и групповое мышление всех игроков-актеров встанут на один общий для них всех уровень.

Второе предложение Э. Пачери состоит в том, чтобы признать, что «концепты группы» и «концепты институционального взаимодействия» играют аналогичную друг другу роль в системе «равновесной игры»: и те, и другие по существу являются теоретическими терминами, способствующими координации и сотрудничеству в сложных стратегических взаимодействиях. Хотя от них можно в принципе и отказаться, но следует признать их очевидную пользу, поскольку эти концепты легко разглядеть на уровне здравого смысла, обыденного сознания. Здесь я снова благодарен Э. Пачери и полностью с ней согласен: как и многие другие институциональные структуры, группы игроков-актеров можно рассматривать как сеть взаимодействующих правил или норм. Из этого естественно следует, что «концепты группы» являются как бы «обобщениями» этих правил и они как бы «предлагают» *от себя* рекомендации членам группы, когда те сталкиваются с проблемами в отношении взаимопонимания между собой.

«*Коллективное принятие*» (“collective acceptance”), *зависимость и фаллибилизм*. П. Мякеля, Р. Хакли и С. Амаде [18] предлагают ряд интерес-

ных размышлений о теориях «коллективного принятия» уделяя особое внимание тому, насколько они совместимы с натуралистической программой, принятой мной в ПИ. Большая часть их комментариев посвящена защите этой программы от обвинения в том, что она зачастую подразумевает антиреалистическое (antirealist) и антифаллибилистское (antifallibilist) отношение к социальному мышлению на уровне «здравого смысла» (folk social theory). Но прежде чем перейти к подробностям их аргументации, я хотел бы прояснить важный момент: хотя в ПИ я часто отождествляю программу «коллективного принятия» с основополагающей работой Дж. Сёрля [26] и Р. Туомелы [31], я при этом не рассматриваю этих авторов как «апологетов» антиреализма и антифаллибилизма. Действительно, и Сёрль, и Туомела во многих случаях делают и фаллибилистские, и реалистские заявления в своих работах.

Сёрль, безусловно, представляет здесь сложный случай: иногда он проявляет себя как *антиреалист* [26, 33-34] — например, когда обсуждает проблему социальных фактов, в то время как в других случаях его позиция указывает скорее на противоположное направление (например, [26, 47]). Но если оставить экзегетические вопросы в стороне, то справедливо будет сказать, что структура «коллективного принятия» в целом как научная концепция, вероятно, имеет ресурсы поддержки как со стороны реализма, так и со стороны антиреализма. Поэтому неудивительно, что такой выдающийся метафизик, как Э. Томассон, развивает в этом пункте антиреалистскую, антифаллибилистскую точку зрения, в то время как другие философы, такие как Мякела, Хакли и Амаде, защищают здесь фаллибилизм и реализм. Поскольку я не желаю в принципе увязнуть здесь в рассуждениях типа, «что Сёрль действительно имел в виду», в итоге мне придется сосредоточиться главным образом на работах Э. Томассона [30] и Д. Рубена [25], которые в отношении обсуждаемого пункта выстроены в более строгом ключе, чем весьма амбивалентные и неопределенные работы Сёрля (см. прим. 5).

Я говорю это не только ради уточнения каких-то пунктов ПИ, но и для того, чтобы объяснить, какую роль играет критика антифаллибилизма и антиреализма в общей стратегии моей книги. Главная задача глав 11 и 12 ПИ — не просто раскритиковать теорию «коллективного принятия». Антифаллибилизм, антиреализм и в целом антинатурализм сами по себе являются достойными мишенями, — независимо от того, следуют ли они теории «коллективного принятия» или нет. Поэтому отказ от них в ПИ не должен вызывать аргумент *modus tollens* (*Modus tollens* — рассуждение от противного), приводящий к отклонению мною теорий «коллективного принятия» (см. прим. 6). Как объясняют в своей статье П. Мякела, Р. Хакли

и С. Амадае, сами по себе эти теории, вероятно, имеют достаточно ресурсов, чтобы быть, в конечном счете, совместимыми с реализмом.

Это, опять же, никак не означает, что я поддерживаю точку зрения теорий «коллективного принятия». Как я объясняю в главе 8 ПИ, коллективные установки (намерения и т.д.) должны быть *безусловно помещены в центр социальной онтологии*. Но проблема еще и в том, что существует множество социальных институтов, которые не требуют *коллективного признания* для того, чтобы существовать («расистские институты», такие как апартеид, являются здесь моими любимыми примерами, но есть и другие). Если мы добавим к этому хорошо известный факт, что многие социальные феномены (такие как расизм, рецессия или инфляция) *вовсе не являются институциональными*, то в таком случае мы должны рассмотреть коллективную интенциональность и ее аналоги как безусловно интересные, возможно полезные, но в конечном счете несущественные строительные элементы социальной реальности (см. прим. 7).

Безусловно, П. Мякеля, Р. Хакли и С. Амадае не затрагивают этот вопрос непосредственно, но я подозреваю, что некоторые разногласия между нами проистекают именно из этого пункта. Самодостаточность индивидуального интенционального действия и, в частности, объяснения посредством «предпочтения-веры» (preference-belief explanations) — это спорный тезис, который категорически отвергают многие из философов (см. прим. 8). При этом я не исключаю и существование других форм интенциональности. Предполагаю, время и дополнительные изыскания в этом направлении, в конечном счете, решат эту проблему.

Поскольку она, «коллективная интенциональность», все же представляет собой весьма полезную грамматику для представления конструкции институциональных объектов, то теории «коллективного принятия» сделали онтологию таких объектов *центральной темой исследования в современной метафизике*. Например, те же П. Мякеля, Р. Хакли и С. Амадае замечают, что я мало уделяю вниманию тому, как наложение социальной функции (скажем, регулирование дорожного движения) на физический объект (цвет светофора) приводит к созданию социального объекта, — предполагая, что это как бы «ограничивает» мою «равновесную теорию» институтов по сравнению с теориями «коллективными принятия». Вынужден признать, это в целом справедливая критика, но, хотел бы подчеркнуть, что, если вы считаете, что *интенциональное (и всякое иное) конституирование институциональных объектов первично в социальной онтологии*, — ваше право так считать, — но я этому, извините, не верю. Один из пунктов, который я попытался также аргументировать, заключается в том, что институциональные объек-

ты могут приобретать свой особый статус без навязывания им «коллективного принятия» чего-либо.

Хотя формула « X считается Y » и ее варианты имеют большой смысл для обозначения имен или введения институциональных понятий, она онтологически излишня, поскольку существует множество «координационных девайсов», которым мы вообще не присваиваем никаких имен. Если использовать мой любимый пример «игры Нуэр-Динка» [11, 12], то вопрос о том, придумали ли эти два племени, — «Нуэр» и «Динк», — институт или концепт под названием «граница», — тот самый, что разделил их территории, — сам по себе имеет второстепенное значение. Важно только то, что он *функционирует как граница*, и помогает им разделять их территории выпаса скота. *Эта функция так или иначе изменяет поведение людей*, что и подчеркивают П. Мякеля, Р. Хакли и С. Амадае, и с этим пунктом я полностью согласен. Моя единственная забота заключается в том, чтобы подчеркнуть, что «коллективное принятие» как таковое, по-видимому, не является необходимым, поскольку само *следование этому «принятию»* может быть расценено как «подражание» или «мода».

Наиболее интересная часть работы П. Мякеля, Р. Хакли и С. Амадае, на мой взгляд, касается формулировки и последствий тезиса о «зависимости» в рамках точки зрения принятия. Аргумент в разделе 3.1 кажется мне совершенно здравым: теория Дж. Сёрля по существу является *теорией «маркеров» (tokens)*, а предложенная П. Мякеля, Р. Хакли и С. Амадае версия тезиса о зависимости для типов с различием между $K(G)$ и $K(g)$ освобождает место для тезиса, утверждающего, что последние — $K(g)$ — иногда могут быть «рудиментарными, ошибочными и далеко удаленными от надлежащего состояния, которое и пытается обнаружить социальная наука» [18]. Таким образом, точка зрения «коллективного принятия» не обязательно противоречит реализму и фаллибилизму.

Следующий аргумент П. Мякеля, Р. Хакли и С. Амадае направлен на то, чтобы показать, что *причинная зависимость* и *онтологическая зависимость* не являются взаимоисключающими отношениями: *бытие X может быть онтологически зависимым от нашего принятия X как K* , и наше принятие может привести к тому, что *X будет K* , но здесь мы рискуем пройти мимо друг друга: ведь главная причина различения этих двух типов зависимости как раз и состоит в том, чтобы спросить, существует ли какой-то тип зависимости, который может представлять угрозу для натуралистического и реалистического проекта, — учитывая то, что, по-видимому, причинная зависимость не представляет *специфической проблемы*. Онтологическая зависимость и ее аналоги (например, «конституирование», «обоснование») в течение последнего десятилетия стимулировали лишь ограниченный интерес к себе.

В этой «ограниченной» литературе «онтологическая зависимость» обычно понимается как *непричинная зависимость* (non-causal dependence). Я сосредоточился на ней в главе 11 ПИ: если мы согласимся, что причинная зависимость не является проблемой для реализма, то единственный правдоподобный оставшийся вариант для антиреалиста, такого как Томассон или Рубен, состоит в том, чтобы *воззвать* к не-причинной (онтологической) зависимости в любом ее виде. В ПИ я утверждаю, что это тоже не проходит, и П. Мякеля, Р. Хакли и С. Амадае соглашаются со мной. Единственная разница заключается в том, что они воспринимают это как хорошую новость для теорий «коллективного принятия», в то время как я сам довольно индифферентен в этом отношении, Полагаю, что эти теории имеют и другие ограничения, и их значимость для социальной онтологии критически не зависит от того, подразумевает ли они вообще антиреализм и антифаллибилизм.

Наконец, вопрос о методе: я склонен считать, что теоретики «коллективного принятия» занимаются своего рода «соломенной, мелочной работой» (strawsonian work), которую и описывают П. Мякеля, Р. Хакли и С. Амадае в конце раздела 3 своей статьи [18]. Главный «итог» такой работы состоит в том, чтобы «смутно указать на социальные явления, подлежащие интерпретации и объяснению в научных терминах», — здесь я использую их собственные слова. Хотя этот проект имеет определенный интерес, но все же это означает, что некоторые философы должны довольно резко уменьшить свои амбиции по сравнению с тем, что они говорят, если вдруг впадут в *воинственное настроение*. Например, и Сёрль, и Туомела, по-видимому, иногда воспринимают социальную онтологию как наилучшую основу для «научных исследований» — *в ущерб самой социальной науке*. Например, Дж. Сёрль:

«Я считаю, что там, где речь идет о социальных науках, социальная онтология предшествует методологии и теории. Она является приоритетной в том смысле, что если у вас нет четкого представления о природе исследуемых явлений, вы вряд ли сможете разработать правильную методологию и правильный теоретический аппарат для проведения исследования» [27, 9].

Р. Туомела примерно в том же духе утверждает, что философское исследование «означает в немалой степени критический анализ предпосылок современных научных исследований и обеспечение новых концептуальных основ для построения научной теории» [31, 7].

Такие амбиции были бы оправданы, если бы философы успешно выявили новые отношения «не причинно-следственного» характера (non-causal relationship), связывающие ментальные репрезентации с социальны-

ми объектами, или если бы они открыли механизм создания институтов, доселе неизвестный социальной науке. Но пока философы этого не сделали, и, в частности, по той причине, что то, что они говорят, трудно «переводится» на язык современной социальной науки. Создание «унифицированного базиса» (unified framework) для такого «перевода» и было, кстати, одной из задач ПИ, и, надеюсь, рано или поздно он все же станет реальностью.

Загадка (или все же путаница?) в отношении социальных типологий.

Р. Хаусвальд — даже более пронизательный метафизик, чем я, и я благодарен ему за его комментарии. Различие между «метками», «маркерами» (tokens) и социальными типологиями уже было объектом критики (см., например, [7], а также [2]), но Хаусвальд здесь еще более увеличивает заряд этой критики. В самом деле, в ПИ мне просто нужно было сделать нечто вроде *таксономии* различных «типологий» (kinds of kinds), поэтому я бы очень желал (признаю, это не получилось) развести у себя в работе, к примеру, *исторические классификации* и *функциональные классификации*. Предложение Хаусвальда, здесь следующее: *функциональные типологии требуют только сходства и различия в функциях*, в то время как *в исторических типологиях необходимо обращаться к историческим траекториям развития социальных объектов*.

Р. Хаусвальд [14] также дает глубокий анализ онтологии данных типологий. Его первое замечание состоит в том, что наши определения использование «рода» часто недооценивает определение границ реальных «видов». Если «тигры» (по гипотезе) — это единственные хищники, которые существуют (или единственные известные нам хищники), то появление нового вида хищников требует непростого решения: мы должны решить, относится ли «тигр» ко всем хищникам или только к определенной подгруппе, или это решение не может быть вообще предложено. Но также я рассматриваю проблему идентификации «вида» как *существенную и важную*, а не просто как *обыденный лингвистический вопрос*.

Поэтому предложение Хаусвальда мне кажется довольно привлекательным: некоторые «виды» более «естественны» (natural) в том смысле, что их *референция обладает большей логически объяснительной и индуктивной силой*. Поскольку мы используем такие термины, как «тигр» или «брак» для референциальных целей, не так будет важно признавать, что иногда они могут иметь различие в употреблении и различные смыслы в языке. Как только этот пункт будет принят, мы сможем полностью контролировать нашу семантику и отвергать те «плохие» аргументы, основанные на лингвистической амбивалентности и двусмысленности. Именно для этого и предназначены в ПИ главы 13 и 14.

Рассмотренная нами критика Хаусвальда в отношении «исторических типологий институтов» особенно серьезна для указанных мною глав. Моя критика «традиционализма» здесь предполагает определенную устойчивость «классификаций», но я согласен с Хаусвальдом в том, что эволюция «антропологического ракурса» в отношении исследований общества — это нечто большее, чем простая потенциальная возможность, поскольку, она не просто *вероятна*, но еще и размывает границу между «метками» («маркерами») и реальными типами институтов. (Перерисовка границы в терминах функционального и исторического типов просто санкционировала бы существование этой проблемы, не указывая на ее решение).

Вот мой главный пункт: *в любой конкретный момент времени функции (институтов и т.п.) имеют тенденцию группироваться определенным образом*. Поскольку решения различных координационных задач здесь связаны друг с другом, *пространство возможных институтов*, вероятно, ограничено. Хаусвальд прав в том, что эволюция «антропологического ракурса» в отношении исследований общества в принципе непредсказуема, и поэтому, к примеру, «мы не можем иметь теорию, которая говорит нам, какие типы браков могут быть реализованы в принципе» [14]. Это делает нас похожими на тех химиков, которые изначально строили таблицу химических элементов, имея лишь частичное и очевидно несовершенное представление о фундаментальных законах физики элементарных частиц. Но при определенных фоновых условиях, — «антропологическом ракурсе», — мы можем использовать наши знания психологии, биологии и социальных наук, чтобы сделать более обоснованным научные предположения о *пространстве возможностей*. Это неправда, что абсолютно ничего не происходит, но, следует подчеркнуть, некоторые институциональные механизмы просто неосуществимы, учитывая то, как обстоят дела в данный момент или будут происходить в краткосрочной перспективе.

Является ли это приемлемым решением проблемы «Калигулы»? Возможно, когда-нибудь *люди и политические действия станут настолько отличными друг от друга*, что и лошадь сможет выполнять функции сенатора. Но если мы примем эту точку зрения, можно гипотетически представить себе сценарий, при котором Сенат, например, сохранит свои церемониальные функции, но потеряет всякую реальную политическую роль. В этом случае лошадь Калигулы, возможно, выполняла бы лишь некоторые церемониальные функции. Тогда мы должны были бы решить, является ли различие между классическими функциями Сената и функциями *лошадиного* Сената Калигулы достаточно широким, чтобы классифицировать их как *различные типы учреждений*, или же мы должны рассматривать «лошадиный сенат» как частный случай Сената общего типа.

К примеру, теория Бойда о кластерах гомеостатических свойств никак не отвечает на этот вопрос, как на это указывает Хаусвальд. Р. Бойд [4] утверждает, что способ, которым мы проводим границы между «видами», определяется, по крайней мере, частично, общей теоретической и концептуальной структурой (понятиями, концептами, категориями), которые мы используем, и теми выводами, которые мы хотели бы сделать. Хотя реализм в этом случае не скомпрометирован, — категории действительно отражают реальную кластеризацию, но уступка Бойда вводит элемент конвенционализма, который, похоже, препятствует тому решению, что я предлагаю в ПИ.

Возможно, это может быть вполне допустимым, и тогда мы должны признать условность любых социальных «таксономий». Такая условность не делает, к примеру, процесс отождествления абсолютным, а лишь относительным, — в отношении тех фоновых теоретических рамок и оснований, которые мы используем, и к тем выводам, которые мы намереемся сделать. Мне трудно, к примеру, уяснить для себя, как будет работать «Сенат лошадей» и почему мы должны здесь использовать концепт «сенат» (пусть это даже облегчало бы классификацию в целом). В более реалистичных случаях, таких как случай *однополых браков*, преимущества включения новых договорных отношений под *зонтиком старого институционального концепта* кажутся достаточно очевидными: ведь сеть функций является плотной и прочной, и потеря объяснительной силы (как только мы здесь включаем возможность однополых браков) кажется незначительной (см. прим. 9).

Реализм уточняет и закрепляет оценки, сделанные в терминах «объяснительной потери» и «косвенной выгоды». Хотя исторически обусловленные *кластеры функций* могут не поддерживать дизъюнктивные предложения типа «да-или-нет» относительно идентичности институтов, но они все же позволяют нам проводить некоторые сравнения и аналогии, касающиеся их степени сходства и индуктивного потенциала доказательства.

Я хотел бы закончить эти ответы некоторыми *метафилософскими соображениями*. Когда я работал над ПИ, я понимал, что книге предстоит оценка самой разнообразной аудитории с ее самыми различными аксиологическими и когнитивными стандартами. Поэтому неудивительно, что *истый метафизик* нашел бы некоторые аспекты моего труда недостаточно глубокими или развитыми, или, — что еще хуже, — просто *небрежными* в метафизическом плане. Одна из моих задач состояла в том, чтобы показать на примере «равновесного подхода»: *натуралистическое исследование* может быть плодотворным в социальной онтологии *безотносительно ко всяким принципам*.

Однако то, что натуралистический подход плодотворен, вовсе не означает, что он *не имеет своих пределов и границ*. Я счастлив был бы признать, что вопрос: «Является ли однополый брак *браком как социальным институтом?*» – вовсе не предмет *для научного исследования*. Но взгляд на то, как ученые *концептуализуют и институционализируют брак*, – это также еще и взгляд на то, как это будет воспринято другими социальными науками: антропологией, социологией, юриспруденцией и еще – повседневным, обыденным дискурсом, – и все это, в совокупности, действительно поможет нам понять, что такое «брак» как тотальный социальный институт.

Р. Хаусвальд полагает, что использование интуиции в качестве источника доказательств и подтверждения не совсем соответствует исповедуемому мной натурализму. С этим я не согласен: *интуиция* используется в ПИ как источник доказательств *prima facie* («с первого взгляда») или как эвристический инструмент, который указывает нам правильное направление, когда мы теоретизируем. Причина, по которой она может это делать, заключается в том, что наши обыденные понятия часто отражают подлинные различия между реальными видами или между реальными причинными механизмами. Учитывая, что наше обыденное знание (в том числе уровня «обыденной социологии») легко помогает нам ориентироваться в сложных социальных ситуациях, было бы удивительно, если бы наша интуиция все это *время систематически* ошибалась. Нет, конечно, она иногда ошибается, и по этой причине интуиция и знания обыденного уровня («здорового смысла») не являются высшим авторитетом в социальной онтологии. Но они дают нам гипотезы или догадки, которые в дальнейшем должны быть верифицированы социальной наукой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Amadae S. *Normativity and Instrumentalism in David Lewis' Convention* // History of European Ideas. 2011. Vol. 37. P.325-335.
2. Aydinonat E., and Ylikoski P. *Three Conceptions of a Theory of Institutions* // Philosophy of the Social Sciences. 2018. Vol. 48. P.550-568.
3. Bicchieri C. *The Grammar of Society*. New York: Cambridge University Press. 2006.
4. Boyd R.N. *Kinds as the Workmanship of Men: Realism, Constructivism, and Natural Kinds. In Rationality, Realism, Revision* (edited by J. Nida-Rumelin). Berlin: De Gruyter. 2000. P. 52-89.
5. Brennan G., and Pettit P. *The Economy of Esteem*. New York: Oxford University Press. 2004.
6. Epstein B. *The Ant Trap: Rebuilding the Foundations of Social Science*. New York: Oxford University Press. 2015.
7. Epstein B. *Replies to Guala and Gallotti* // Journal of Social Ontology. 2016. Vol. 2. P. 159-172.
8. Gaus G. *The Order of Public Reason*. New York: Cambridge University Press. 2010.
9. Greif A. *Institutions and the Path to the Modern Economy*. Cambridge: Cambridge University Press. 2006.
10. Guala F. *Reciprocity: Weak or Strong? What Punishment Experiments Do (and Do Not) Demonstrate* // Behavioral and Brain Sciences. 2012. Vol. 35. P. 1-59.

11. Guala F. *Understanding Institutions: The Science and Philosophy of Living Together*. Princeton: Princeton University Press. 2016.
12. Guala F. and Hindriks F. *A Unified Social Ontology* // *Philosophical Quarterly*. 2015. Vol. 65. P. 177-201.
13. Haslanger S. [Электронный ресурс] // Academia.edu: социальная сеть для ученых. — 2017. “*Failures of Individualism: Materiality.*” URL: https://www.academia.edu/34231893/_Failures_of_Individualism_Materialism (дата обращения: 29.05.2021).
14. Hauswald R. *Institution Types and Institution Tokens: An Unproblematic Distinction?* // *Philosophy of the Social Sciences*. 2018. Vol 48. P. 594-607.
15. Heath J. *Following the Rules: Practical Reasoning and Deontic Constraint*. New York: Oxford University Press. 2008.
16. Hodgson G. *Understanding and Defining Institutions: The Contribution of Francesco Guala* // *Journal of Economic Methodology*. 2018. Vol. 25. P. 111-116.
17. Lewis D. *Convention: A Philosophical Study*. Cambridge Mass.: Harvard University Press. 1969.
18. Mäkelä P., Hakli R. and Amadae S. *Understanding Institutions Without Collective Acceptance?* // *Philosophy of the Social Sciences*. 2018. Vol. 48. P. 608-629.
19. Michael J., and Pacherie E. *On Commitments and Other Uncertainty Reduction Tools in Joint Action* // *Journal of Social Ontology*. 2015. Vol. 1. P. 89-120.
20. Millikan R. G. *Historical Kinds and the Special Sciences* // *Philosophical Studies*. 1999. Vol. 95. P. 45-65.
21. Pacherie E. *Framing Joint Action* // *Review of Philosophy and Psychology*. 2011. Vol. 2. P. 173-192.
22. Pacherie E. *Intentional Joint Agency: Shared Intention Lite* // *Synthese*. 2013. Vol. 190. P. 1817-1839.
23. Pacherie E. *Solution Thinking and Team Reasoning: How Different are They?* // *Philosophy of the Social Sciences*. 2018. Vol. 48. P. 585-593.
24. Rabinowicz W. *Are Institutions Rules in Equilibrium?* // *Philosophy of the Social Sciences*. 2018. Vol. 48. P. 569-584.
25. Ruben D.H. *Realism in the Social Sciences*. In *Dismantling Truth* (edited by H. Lawson and L. Appignanesi). London: Weidenfeld & Nicolson. 1989. P.58-75.
26. Searle J. R. *The Construction of Social Reality*. London: Penguin Books. 1995.
27. Searle J. R. *Language and Social Ontology*. In *Philosophy of the Social. Philosophical Theory and Scientific Practice* // Ed. by C. Mantzavinos. Berkeley: Cambridge University Press. 2009. P. 9-27.
28. Sugden R. *The Economics of Rights, Co-Operation and Welfare*. Oxford: Blackwell. (1986) 2004.
29. Thomasson A. *Realism and Human Kinds* // *Philosophy and Phenomenological Research*. 2003. Vol 68. P. 580-609.
30. Tuomela R. *The Philosophy of Social Practices*. Cambridge: Cambridge University Press. 2002.
31. Tuomela R. *The Philosophy of Sociality*. Oxford: Oxford University Press. 2007.

Примечания

1. Начиная с Льюиса [17], философы, придерживающиеся «теории рационального выбора», занимали противоречивую и двусмысленную позицию в отношении этого подхода. С. Амадае [1] дает прекрасное обсуждение этого аспекта теории Льюиса.
2. Эпштейн [7] является примечательным примером, но см. Также: С. Хаслангер [13].
3. Примат правил над другими элементами институтов проливает свет также на различие между двумя смыслами института (первый: совокупность регулирующих принципов; второй: организация, корпорация, устройство), между которыми, по мнению Рабиновича [24],

я не провожу различия в ПИ. Согласно первому определению Оксфордского словаря (которое как раз и приводит Рабинович) институт — это «регулирующий принцип или конвенция, подчиняющаяся потребностям *организованного сообщества*» (курсив добавлен). Но что же тогда есть сама организация, если она функционирует без необходимого свода правил?

4. По словам Э. Пачери, это имеет место в метафорах, которые я использую («слияние умов» для стимуляции, «слияние *Эго*» для объяснения рациональности в групповых взаимодействиях) — и здесь я полностью принимаю ее точку зрения.

5. Работа Рубена [25] в значительной степени предшествует появлению и развитию теорий «коллективного принятия», но многие из его аргументов могут быть легко переведены на язык этих теорий. В ПИ я также отмечаю сходство между линией аргументации Рубена-Томассона и аргументами, выдвинутыми более старыми антиреалистическими и антинатуралистическими философами, такими как Ч. Тейлор, Г.-Г. Гадамер и П. Рикер, но, — снова! — для обоснования этого утверждения потребовалась бы гораздо более обширная *экзегетическая* работа, чем ПИ.

6. П. Мякеля, Р. Хакли и С. Амадае [18] утверждают, что это будет иметь «потенциально разрушительные последствия».

7. Одна из целей, которую я поставил перед собой при написании ПИ, как раз и заключалась именно в том, чтобы спустить «пузырь коллективной интенциональности». Еще одна недавняя монография том же духе, — это Б. Эпштейн — «Муравьиная ловушка» [6], хотя в целом наши взгляды на социальную онтологию более чем различны.

8. Дж. Хит [15] и Г. Гаус [8] являются двумя выдающимися примерами среди многих других.

9. Такое «включение», по-видимому, в большинстве случаев будет носить чисто анекдотический характер: Джейн: «Знаешь, Джилл, я выхожу замуж в следующем месяце». Джилл: «Поздравляю! Когда я смогу познакомиться с твоим будущим мужем?» Джейн: «Вообще-то, мой муж — это женщина...»

Перевод с англ. А.М. Орехова, А.О. Ефименкова

Поступила в редакцию 13.05.2021 г.

Орехов Андрей Михайлович - доктор философских наук, доцент кафедры социальной философии РУДН, ученый секретарь Междисциплинарного общества социальной теории (МОСТ). (Москва). E-mail: orekhovandrey@yandex.ru.

Ефименков Александр Олегович — аспирант кафедры социальной философии РУДН (Москва). E-mail: efimkov.1995@mail.ru.
